

Светлана КАРМАЛИТА:

Западный зритель смотрит кино, а российский ищет намеки

ЖЕНА И СОРАТНИЦА АЛЕКСЕЯ ГЕРМАНА РАССКАЗАЛА О ПОСЛЕДНЕМ ПОСЛАНИИ ВЕЛИКОГО РЕЖИССЕРА

Мировая премьера фильма «Трудно быть богом» состоялась на кинофестивале в Риме в ноябре прошлого года. Истинные ценители киноискусства после просмотра устроили овацию... Режиссера Алексея Германа уже больше года нет с нами, а последний его фильм все покоряет страны и континенты.

Продолжая дело мастера, фильм подготовили для показа зрителям его вдова (она же соавтор сценария) Светлана Кармалита и сын, кинорежиссер Алексей Герман-младший.

Мы встретились со Светланой Игоревной, чтобы поговорить об особой ауре последней картины Алексея Юрьевича, трудной для ума и души...

Зрители делятся на две категории. К первой относятся те, кому удастся с самого начала проникнуть в мир героя и жизнь, которая затягивает его с экрана. Ко второй, к сожалению, следует причислить тех, кто с самого начала путается в обилии персонажей, в странном построении диалогов. И одно из условий восприятия этого произведения — выдержать и досмотреть картину до конца, чтобы понять то, что в ней заложено.

Дон Румата волею Германа получился не такой, как в романе Стругацких.

В ИСКУССТВЕ НЕ ОБЯЗАТЕЛЬНО ВСЕ ДОГОВАРИВАТЬ

— Светлана Игоревна, расскажите, как на Западе воспринимают картину, есть ли отличие от реакции российских зрителей.

— Фильм мы уже показали кроме Рима в Роттердаме, Гётеборге, Вильнюсе и Софии. И мне приятно, что западный зритель смотрит его очень хорошо. Хотя прекрасно понимаю и тех, кто уходил из зала. Помните, как на уроках литературы в школе нас учили: в каждом произведении должна быть завязка, кульминация и развязка. «Трудно быть богом» — особое произведение. Фильм длится три часа, только завязка продолжается полтора часа. Тот, кто пришел на развлечение, не всегда способен выдержать такое напряжение.

Да и вся картина снята по иным, непривычным канонам. Поэтому зрители делятся на две категории. К первой относятся те, кому удастся с самого начала проникнуть в мир героя и жизнь, которая затягивает его с экрана. Ко второй, к сожалению, следует причислить тех, кто с самого начала путается в обилии персонажей, в странном построении диалогов. Но так определено книгой, сценарием и, соответственно, драматургией картины: герой бездействует. И одно из условий восприятия этого произведения — выдержать и досмотреть картину до конца, чтобы понять то, что в ней заложено.

Так вот мое европейское турне, как, впрочем, и не менее важные для меня просмотры в Челябинске, Новосибирске, Ека-

теринбурге, показали: выдерживают значительно большее количество зрителей, чем мы предполагали.

Между зрителями российскими и западными есть одно очень важное различие. Когда картину смотрят в России, то зрители внутренне все время задаются вопросом: «А на что здесь намекают? Может быть, на президента или премьер-министра? Или на события, которые происходят сейчас в России?» На Западе же просто смотрят фильм. К тому же в залах всегда много зрителей, которые интересуются именно искусством кино. Был только один забавный момент, когда журналист в Софии спросил, как я отношусь к военно-милитаристскому вторжению в Крым. Это был единственный человек, который задал вопрос, связанный с политикой. Все остальные интересовались только художественной составляющей картины.

У меня был интересный случай с показом в прошлом году в Венеции картины «Мой друг Иван Лапшин». Фильм демонстрировали в рамках кинофестиваля, зал был «западный». А из истории создания произведения вы помните, что оно тесно связано с историческими реалиями России 1930-х. Например, что мог понять зритель, который не знает, что убийство Кирова дало толчок к нарастанию террора в России? Для западного зрителя фраза «А в 42-м году мы будем выпускать такое-то количество тысяч бутылок шампанского» — пустой звук. А наш зритель понимает, что в 1942 году страна будет страшно во-

евать и будет не до шампанского. Западный зритель не брал в голову, что практически всех героев, всех членов опергруппы Лапшина в недалеком будущем расстреляют. Когда на экране герой говорил в своем 1935-м: «Мы все посадим сад и еще успеем побывать в этом саду», российский зритель знал, что нет, не успеют. Для меня было важным открытием: в искусстве не обязательно все договаривать. Фильм, если это искусство, все скажет за себя сам.

ПОЧЕМУ РУМАТА НЕ ВЕРНУЛСЯ НА ЗЕМЛЮ

— Если вернуться к «Трудно быть богом», уже известны первые данные по прокату?

— Общие сборы на конец марта составили более 44 миллионов рублей. Это очень высокий показатель для отечественных фильмов...

— ...И ответ скептикам, которые сначала предрекали, что фильм вообще не будет завершен, а потом — что с треском провалится в прокате.

— Для меня, продюсеров и для тех, кто занимался прокатом картины, в итоге было неожиданным, как много людей посмотрели картину. Всего было изготовлено 150 копий — это не слишком много.

А теперь я часто читаю в Интернете о том, что в том или ином городе по просьбам зрителей продлен показ картины.

— Наверное, через какое-то время искусствоведы объяснят феномен фильмов Германа. Но очевидно, что особая аура картин в том, что зритель видит на экране не «движущуюся картинку», а словно сам переступает порог экрана и входит в окружение героев...

— Согласно. Алексей Герман был абсолютно убежден, что кинематограф может передавать даже ароматы, которые в свою очередь порождают художественные образы. И он пытался делать это на экране. Вот пример: первая большая сцена в «Моем друге Иване Лапшине» — день рождения Лапшина, начальника опергруппы. В кадре — мужская компания, сидят, выпивают, говорят о грядущей войне. И вдруг проходит человек, который не имеет никакого отношения к сюжету, и говорит фразу: «Томаты-ароматы». На озвучании Леша сделал эту реплику достаточно ясной, чтобы она была слышна в зале. При чем тут томаты-ароматы? Что это такое?.. А за окном — зима, пурга. Топятся печи. И ясно, что в то время (1935 год) помидоры не продавались, как сейчас, зимой в магазинах. «Томаты-ароматы» — это воспоминания о лете. То, что вдруг пришло в голову случайному человеку среди стужи.

И таких тонкостей очень много.

— «Трудно быть богом» — культовая повесть 1960-х. Но ведь фильм — это личная версия режиссера?

— Безусловно. Это решение возникло еще при написании сценария. В оригинале герой Румата, он же Антон, должен вернуться на Землю. Когда в сценарии мы дошли до финала, то сделать так, что он возвращается на Землю, было невозможно — рука не поднималась. Ведь что происходит: Румата живет в своем огромном доме-замке. У него рабы, для которых он — хороший хозяин, и это видно. Не берет, не продает. Когда он плеткой вроде бы ударяет своего любимого мальчишараба, который много чего себе позволяет, он бьет не по телу, а рядом. А тот, «избалованный», кричит: «Не бей меня, не бей, не бей!» Румата расстраивается и с досадой говорит: «Да я же его пальцем не тронул». По фильму у Руматы есть друзья. И они гибнут. Кому-то он может помочь, а кому-то нет. За 20 лет в этом средневековом мире сформировалась его жизнь — далекая от той, которую он вел на Земле, но теперь близкая, понятная ему. И когда Леша уже снимал картину, когда он размышлял о взаимоотношениях героя с окружающим миром, он понял: оставив ту планету и тех людей, Румата переставал быть Героем, а превращался в мелкого предателя. Вот такое послание оставил нам Алексей Герман: трудно быть богом.

Беседовал Артемий АГРАФЕНИН
Фото: «Ленфильм»